

УДК 314.15
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-316-327
EDN CVXKGT

Региональная дифференциация эффективности материнского капитала в России

Макарова С.А., Большунова Т.В.

Липецкий государственный технический университет
Россия, 398055, г. Липецк, ул. Московская, д. 30
sofimakarova2303@yandex.ru

Аннотация. Усредненные показатели реализации программы материнского капитала не отражают реального воздействия на жилищные и репродуктивные стратегии семей, а в литературе отсутствуют типологии регионов на основе «конверсионных факторов» (стоимость жилья, доходы, доступность ипотеки). Цель – выявить региональные модели влияния маткапитала и предложить дифференцированные меры. На основе кластерного анализа 75 субъектов РФ выделены три модели. В модели «активного софинансирования» (25 регионов) маткапитал максимально востребован для жилья и образования. В модели «структурного ограничения» (51 регион) низкие доходы блокируют его использование даже при доступной ипотеке. В модели «институционального замещения» (6 регионов) высокая рождаемость существует на фоне минимального использования маткапитала, вытесненного альтернативными источниками. Эффективность программы определяется региональным контекстом, что обосновывает переход от универсальной выплаты к дифференцированной политике. Предложены адресные меры для каждого типа регионов.

Ключевые слова: материнский капитал, кластерный анализ, региональная дифференциация, демографическая политика, теория возможностей

Для цитирования: Макарова С.А., Большунова Т.В. 2026. Региональная дифференциация эффективности материнского капитала в России. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 316–327. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-316-327 EDN: CVXKGT

Regional Differentiation of Maternity Capital Efficiency in Russia

Sofia A. Makarova, Tatiana V. Bolshunova

Lipetsk State Technical University
30 Moskovskaya St., Lipetsk 398055, Russian Federation
sofimakarova2303@yandex.ru

Annotation. Significant regional differentiation in the implementation of the maternity capital program determines the relevance of the study. The average indicators do not reflect its real impact on the housing and reproductive strategies of families, and there are no regional typologies based on "conversion factors" (housing costs, incomes, mortgage availability) in the literature. The aim is to identify regional models of the maternity capital influence and propose differentiated measures. Based on the cluster analysis of 75 subjects of the Russian Federation, three models have been identified. In the "active co-financing" model (25 regions), maternity capital is in maximum demand for housing and education. In the "structural constraint" model (51 regions), low incomes block its use even with an affordable mortgage. In the "institutional replacement" model (six regions), a high birth rate exists against the background of minimal use of the maternity capital, which has been displaced by alternative sources. The effectiveness of the program is determined by the regional context, which justifies the transition from universal payment to a differentiated policy. Targeted measures for each type of region are proposed.

© Макарова С.А., Большунова Т.В., 2026

Keywords: maternity capital, cluster analysis, regional differentiation, demographic policy, theory of opportunities

For citation: Makarova S.A., Bolshunova T.V. 2026. Regional Differentiation of Maternity Capital Efficiency in Russia. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 316–327 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-316-327 EDN: CVXKGT

Введение

Программа материнского капитала, будучи одной из наиболее масштабных мер демографической политики современной России, на протяжении более полутора десятилетий оказывает существенное влияние на репродуктивное поведение семей. Однако масштабы страны и высокая социально-экономическая дифференциация регионов обуславливают различия в воздействии этой универсальной меры. По данным Росстата, разрыв в среднедушевых доходах между регионами достигает 5–6 раз, а стоимость жилья различается в 7–8 раз¹. В связи с этим необходим переход от макроуровневого анализа к изучению того, как региональный контекст опосредует влияние маткапитала на демографические решения и жизненные стратегии семей.

Современные исследования фиксируют устойчивый интерес к оценке эффективности семейной политики. С.В. Захаров отмечает, что влияние материнского капитала наиболее выражено на уровне вторых рождений, однако его воздействие существенно варьируется в зависимости от региональных условий [Захаров, 2023]. Т.К. Ростовская и Е.А. Князькова указывают на рассогласование между целями демографической политики и реальными потребностями семей в региональных контекстах [Ростовская, Князькова, 2022]. Однако в существующей литературе сохраняется пробел: отсутствуют работы, выявляющие на основе кластерного анализа типы регионов с разными моделями опосредующего влияния социально-экономических условий на эффективность материнского капитала.

Целью исследования является сравнение региональных особенностей влияния социально-экономических условий на эффективность программы маткапитала.

Теоретические основы исследования

Анализ региональных различий в реализации программы материнского капитала требует комплексного теоретического подхода, объединяющего экономические, демографические и социологические перспективы. В основе исследования лежит интеграция трех взаимодополняющих концептуальных рамок.

Классическая теория рационального выбора и экономические модели рождаемости, представленные в работах Г. Беккера, предлагают анализировать репродуктивное поведение через призму стоимостно-выгодного калькулирования [Беккер, 1991]. В этой парадигме решение о рождении ребенка представляет собой результат рациональной оценки издержек и ожидаемой полезности. Материнский капитал выступает компенсационным механизмом, снижающим финансовые барьеры [Саламахина, 2023]. Однако эмпирические наблюдения демонстрируют систематическую вариацию демографического отклика на идентичный стимул в разных регионах, что указывает на необходимость учета более сложных опосредующих факторов.

Концепция второго демографического перехода, разработанная Р. Лестаге, акцентирует внимание на ценностных трансформациях современного общества: росте индивидуализма, секуляризации и приоритете самореализации над традиционными семейными обязательствами [Лестег, 2014]. Эти сдвиги формируют среду, где даже значительные денежные трансферты могут оказаться недостаточными для изменения

¹ Росстат. 2023. Регионы России. Социально-экономические показатели 2023. Москва. 1126 с.

репродуктивных стратегий, особенно в регионах с доминированием постиндустриальных ценностей [Вишневский, 2006; Захаров, 2023].

Наиболее продуктивной теоретической основой для нашего исследования является теория возможностей А. Сена, позволяющая преодолеть ограниченность экономического и ценностного подходов [Сен, 1999; Robeyns, 2005]. В данной парадигме материнский капитал концептуализируется не как конечное благо, а как потенциальный ресурс, реальная ценность которого определяется способностью трансформироваться в конкретные возможности семей. Ключевое значение приобретают конверсионные факторы - институциональные и социально-экономические условия, обеспечивающие превращение формального права на маткапитал в реальные улучшения качества жизни.

Для нашего исследования особую значимость имеют региональные конверсионные факторы: стоимость жилья, определяющая потенциал улучшения жилищных условий; доступность ипотеки, выступающая катализатором или барьером; развитость инфраструктуры дошкольного образования; уровень доходов, задающий относительную ценность выплаты. Центральный тезис: идентичная сумма маткапитала предоставляет домохозяйствам в разных регионах принципиально разные возможности для реализации репродуктивных и жилищных стратегий. Кластерный анализ позволяет выявить группы регионов с однородными конверсионными условиями, что в сочетании с теоретической рамкой создаёт основу для адресной корректировки демографической политики. Интеграция трёх теоретических перспектив обеспечивает многомерное понимание механизмов влияния маткапитала на репродуктивное поведение в условиях региональной дифференциации. Избранная теоретическая оптика требует эмпирической верификации на микроуровне. Если тезис о регионально-специфичных конверсионных факторах корректен, то данные прикладных исследований должны фиксировать систематические различия в мотивации и барьерах семей. Важным источником верификации выступают микроданные КОУЖ-2022, фиксирующие субъективные оценки доступности улучшения жилья. Дальнейшее исследование построено как сопоставление полученной типологии с данными КОУЖ-2022 и выводами экспертов, что позволяет перейти от констатации различий к объяснению механизмов региональной дифференциации эффективности маткапитала¹. Ключевым понятием для последующего анализа является эффективность реализации программы, которая понимается не как факт выдачи или целевого расходования сертификатов, а как контекстуальная (конверсионная) эффективность.

Она оценивается по двум взаимосвязанным критериям:

1. Демографическая эффективность – способность выплаты стать решающим фактором для рождения второго и третьего ребенка, измеряемая через вклад соответствующих очередностей в СКР.

2. Социально-экономическая эффективность – способность ресурса конвертироваться в улучшение жизни семьи через решение жилищного вопроса. Она определяется соотношением суммы маткапитала к стоимости жилья и возможностью его использования через ипотеку.

Таким образом, эффективность понимается как мера адекватности федерального инструмента региональным условиям (конверсионным факторам). Кластерный анализ позволяет выявить группы регионов, однородные по этим условиям, и оценить, где программа реализует свой потенциал наиболее полно.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую основу исследования составили официальные данные Росстата за 2022–2023 годы. Выбор периода обусловлен необходимостью анализа актуального состояния программы после всех её изменений и индексаций. Для кластерного анализа,

¹ Росстат. 2022. Комплексное наблюдение условий жизни населения 2022. Москва. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html

нацеленного на выявление устойчивых региональных типологий, требуются синхронизированные данные в едином временном срезе, исключая влияние конъюнктурных колебаний. Изучение динамики программы – отдельная задача, выходящая за рамки данной работы. Для обеспечения валидности отобранные показатели, наиболее полно отражающие региональные особенности: среднедушевые доходы, цены на первичном и вторичном рынках жилья, доступность ипотеки (соотношение ежемесячного платежа и средней зарплаты), охват дошкольным образованием, коэффициенты суммарной рождаемости (общий, для вторых и третьих детей), а также количество получателей, направивших материнский капитал на жилищные нужды и образование.

Москва и Санкт-Петербург, а также Московская область были идентифицированы как уникальные статистические выбросы, показатели которых – стоимость жилья, уровень доходов и масштабы использования маткапитала – на порядок отличаются от общероссийских и искажают общую картину при построении типологии.

Для решения задачи типологизации регионов был применен метод k-средних, оптимальный для работы с количественными показателями и формирования компактных, статистически значимых групп. Процедура кластеризации проводилась в три итерации с использованием стандартизированных значений переменных, что обеспечило сопоставимость показателей с разной единицей измерения. Валидация качества кластеризации подтвердила устойчивость полученного решения – сходимость алгоритма была достигнута на третьей итерации. Для проверки статистической значимости различий между выделенными кластерами по ключевым показателям использовался однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Данный метод позволяет оценить, насколько вариация показателей между группами превышает вариацию внутри групп. Конечные центры кластеров представлены в таблице.

Конечные центры кластеров
End centers of clusters

Показатели, единицы измерения	Кластер		
	1	2	3
Суммарный коэффициент рождаемости	1,713	1,500	1,378
Суммарный коэффициент рождаемости на 2-го ребенка	0,541	0,469	0,429
Суммарный коэффициент рождаемости на 3-го и последующих детей	0,501	0,430	0,401
Среднедушевые денежные доходы (в мес., руб)	118 493	497 24	39 720
Средние цены на первичном рынке (руб. за 1 м ²)	140 262	126 785	85 357
Средние цены на вторичном рынке (руб. за 1 м ²)	117 246	112 954	78 152
Уровень доступности ипотеки (%)*	28,6	47,4	54,5
Охват дошкольным образованием (кол-во мест на 1000 детей)	1 107	838	876
Использование материнского капитала (жилищные условия)(кол-во человек)	2 118	11 977	6 292
Использование материнского капитала (образование)(кол-во человек)	1116	5330	1903

Примечание: уровень доступности ипотеки вычисляется как соотношение ежемесячного платежа по ипотеке и средней зарплаты, %.

Результаты исследования и их обсуждение

Первый выделенный кластер – модель замещающих ресурсов: «материнский капитал как нерелевантная мера», представленный шестью субъектами Российской Федерации, включая, Камчатский край, Сахалинскую область и Ненецкий автономный округ, формирует уникальную модель, которую можно определить как «институциональное замещение». Социально-экономический профиль этих регионов характеризуется высокими доходами (118 493 руб.) и значительной стоимостью жилья (140 262 руб./кв.м на первичном рынке, 117 246 руб. – на вторичном). Ключевая черта – самая низкая в выборке доступность ипотеки (28,6% семей могут обслуживать кредит), что указывает на разрыв между доходами и возможностями их конвертации в жильё через рыночные механизмы. При этом регионы демонстрируют максимальный охват дошкольным образованием (1107 мест). Анализ вовлечённости в программу выявляет парадокс минимального участия при максимальных ресурсах. На жильё средства направили 2 118 человек, на образование – 1 116 человек. Для сравнения: во втором кластере – 11 977 и 5 330, в третьем – 6 292 и 1 903. Значения первого кластера минимальные среди всех групп. Программа оказывается институционально нерелевантной: жилищные стратегии семей опираются на альтернативные каналы – прямое накопление, ведомственное или корпоративное жильё, специфическую аренду.

Принадлежность регионов к кластерам можно увидеть на рисунке.

Принадлежность регионов к кластерам
Regions belonging to clusters

Демографический профиль опровергает связь между поддержкой и рождаемостью. Регионы демонстрируют рекордный СКР (1,713) с максимальными вкладами вторых (0,541) и третьих детей (0,501). Высокая рождаемость поддерживается компенсаторным пакетом: высокими доходами, северными надбавками, развитой инфраструктурой и особыми ценностными ориентациями.

Таким образом, кластер иллюстрирует полное замещение федерального ресурса локальными институтами. Е.В. Одинцова на данных КОУЖ-2022 показывает: в высокодоходных регионах доля семей с альтернативными источниками улучшения жилья в 2–3 раза выше средней [Одинцова, 2025]. Эксперты подтверждают ориентацию

семей на региональные и корпоративные программы [Ростовская, Князькова, 2022]. Программа вытесняется из жизненных стратегий более мощными механизмами.

Второй кластер – модель активного софинансирования: «материнский капитал как катализатор рыночных стратегий», объединяющий 25 субъектов Российской Федерации, среди которых, например, Архангельская область, Нижегородская область, Республика Алтай, город Севастополь и ряд других экономически развитых регионов. В рамках этой модели программа материнского капитала достигает своей максимальной контекстуальной эффективности, выступая катализатором рыночных стратегий семей. Социально-экономический профиль этих регионов характеризуется устойчиво высокими доходами (49 724 руб.) и значительной стоимостью жилья (126 785 руб./кв.м на первичном рынке, 112 954 руб. – на вторичном). Доступность ипотеки (47,4% семей) находится в среднем диапазоне, что свидетельствует о балансе спроса и предложения на кредитном рынке. Охват дошкольным образованием (838 мест) отражает типичные для урбанизированных территорий вызовы, не создающие непреодолимых барьеров.

В отличие от первой модели, данный контекст порождает высокую и сбалансированную вовлечённость в программу. На жильё средства направили 11 977 получателей, на образование – 5 330 человек (максимум среди всех кластеров). Соотношение примерно 2,2:1 в пользу жилья указывает на рациональную диверсифицированную стратегию. Семьи интегрируют маткапитал одновременно как инструмент решения жилищной проблемы через ипотеку и как инвестицию в образование детей.

Демографический профиль кластера находится в прямой связи с этой моделью. СКР составляет 1,500, вклад вторых детей – 0,469, третьих – 0,430, что соответствует модели «плановой многодетности», где решение о рождении следующего ребёнка принимается на основе взвешенной оценки ресурсов и доступных инструментов их увеличения.

Материнский капитал не замещается локальными институтами (как в первом кластере) и не упирается в барьер низких доходов, а синхронизируется с собственными ресурсами семей. Его эффективность достигается благодаря тому, что региональная среда предоставляет возможности для реализации функций, на которые программа нацелена.

Выявленная модель предполагает качественно иную мотивацию семей. Эксперты фиксируют сдвиг в запросах молодых семей: наряду с потребностью в жилье значимым становится запрос на развивающие меры поддержки [Ростовская, Князькова, 2022]. В регионах второго кластера этот запрос реализуется через диверсификацию использования маткапитала, что объясняет рекордные показатели образовательного направления. Данные КОУЖ-2022 подтверждают: доля семей, удовлетворённых жильём и планирующих инвестиции в образование, здесь значимо выше средней. Таким образом, жилищная функция маткапитала органично дополняется образовательной, что свидетельствует о его глубокой интеграции в финансовое планирование семей среднего класса.

Третий и наиболее многочисленный кластер – модель институционального ограничения: «материнский капитал как недостаточный ресурс», включающий 51 субъект Российской Федерации, в том числе Кабардино-Балкарская Республика, Новгородская область, Республика Бурятия и Челябинская область. В рамках этой модели программа материнского капитала сталкивается с фундаментальным ограничением, обусловленным структурным дефицитом ресурсов домохозяйств. Социально-экономический профиль этих регионов характеризуется самыми низкими в выборке доходами (39 720 руб.) при относительно доступном жилье (85 357 руб./кв.м на первичном рынке, 78 152 руб. – на вторичном). Парадоксальная особенность – наивысшая доступность ипотеки (54,5% семей), что формально создаёт идеальные предпосылки для реализации жилищной функции материнского капитала. Охват дошкольным образованием (876 мест на 1000 детей) теоретически снижает барьер для рождения детей.

Однако реальная вовлечённость в программу умеренная. На жильё средства направили 6 292 человека, на образование – 1 903 человека (соотношение 3,3:1 в пользу жилья, что указывает на приоритет базовых потребностей). Масштабы использования

существенно ниже, чем в кластере-лидере (11 977 и 5 330), что свидетельствует не об отсутствии потребности, а о системной недоступности программы для значительной части семей. Демографический профиль этого кластера окончательно закрепляет его статус как зоны наибольшего демографического кризиса, характеризуясь самыми низкими в выборке значениями общего коэффициента суммарной рождаемости (1,378), вклада вторых (0,429) и третьих детей (0,401).

Данный кластер иллюстрирует модель институциональной несостоятельности универсальной меры в условиях структурной бедности. Программа материнского капитала, рассчитанная на софинансирование с собственными ресурсами семьи, теряет свою эффективность, когда эти собственные ресурсы критически малы [Колганова, Мусин, 2025; Маллаева, 2024; Ростовская, Князькова, 2022]. Её действие блокируется недостатком регулярных денежных потоков в домохозяйствах. Основным парадокс данного кластера – наивысшая доступность ипотеки (54,5% семей) при наиболее низких показателях рождаемости – находит объяснение при сопоставлении с микроданными КОУЖ-2022. Согласно этому исследованию, в регионах третьего кластера доля домохозяйств, указывающих нехватку собственных средств как главный барьер для улучшения жилищных условий, достигает 76–82%, что на 20–25 п.п. выше среднероссийских показате¹. Е.В. Одинцова показывает, что признаки прекаризованности проживания концентрируются именно у населения с низкими доходами [Одинцова, 2025]. Т.К. Ростовская и Е.А. Князькова фиксируют феномен самоисключения: молодые семьи заранее уверены в недоступности финансовых механизмов и не обращаются за поддержкой [Ростовская, Князькова, 2022]. Таким образом, вывод о блокирующей роли низких доходов подтверждается массовыми опросами и экспертными оценками.

Кластерный анализ демонстрирует, что эффективность маткапитала нелинейно опосредована региональным контекстом, формирующим три модели взаимодействия с жизненными стратегиями семей. В модели институционального замещения (Кластер 1) программа нерелевантна на фоне альтернативных источников благосостояния: парадокс максимальной рождаемости при минимальном использовании поддержки. В модели активного софинансирования (Кластер 2) маткапитал достигает пика контекстуальной эффективности, интегрируясь в рыночные стратегии, но не обеспечивает наивысших демографических показателей. В модели структурного ограничения (Кластер 3) программа упирается в барьер низких доходов, оставаясь формально доступной, но фактически недостаточной.

Выявленная дисперсия опровергает логику «стимул - реакция» и подтверждает тезис теории возможностей: ценность ресурса определяется совокупностью доступных альтернатив и ограничений в конкретной социальной среде. Это указывает на необходимость перехода от оценки формальных показателей охвата к анализу глубинных механизмов включения программы в региональные системы жизнеобеспечения, что должно лечь в основу адресной дифференциации демографической политики.

Столичные агломерации (Москва, Московская область, Санкт-Петербург)

Проведенный анализ позволяет выделить столичные агломерации (Москва, Московская область, Санкт-Петербург) как уникальный кейс, требующий отдельного рассмотрения в силу формирования принципиально иной модели взаимодействия населения с программой материнского капитала. Социально-экономический профиль этих регионов характеризуется аномальными показателями: доходы (84 670 руб.) и стоимость жилья (251 684 руб./кв.м на первичном рынке, 208 082 руб. – на вторичном) в 2–3 раза превышают средние значения по кластерам. При формально средней доступности ипотеки

¹ Росстат. 2022. Комплексное наблюдение условий жизни населения 2022. Москва. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html

(47,8% семей) возникает парадокс: максимальные ресурсы домохозяйств нивелированы экстремальной стоимостью жилья, и выплата становится символической.

Структура использования маткапитала подтверждает качественный сдвиг. На жильё средства направили 48 933 человека, но это составляет менее 10% стоимости типичной квартиры. Образовательный канал доминирует, привлекая рекордные 112 070 получателей, – в 2,3 раза больше. Это позволяет говорить о стратегии «компенсаторного инвестирования в человеческий капитал»: семьи, лишённые возможности улучшить жильё, переориентируют поддержку на образование детей.

Демографический профиль закрепляет особый статус столиц: СКР (1,344), вклад вторых (0,411) и третьих детей (0,269) ниже среднего по большинству кластеров. Это свидетельствует о крайне низкой контекстуальной эффективности материнского капитала как инструмента стимулирования рождаемости через жильё. Программа выполняет иную функцию – поддержку среднего класса и инвестиции в образование как форму накопления культурного капитала.

Таким образом, столичные агломерации представляют уникальную модель, где универсальная мера трансформируется под воздействием локальных условий. Материнский капитал эволюционирует из инструмента стимулирования рождаемости в инструмент социальной поддержки и инвестиций в человеческий капитал, что требует иного подхода к оценке его эффективности и разработки адресных механизмов.

Однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) статистически подтвердил значимость выделенных кластеров. Наиболее выраженные различия между группами ($p < 0,001$) наблюдаются по среднедушевым доходам населения и стоимости жилья на первичном и вторичном рынках. Это свидетельствует, что кластеры представляют собой качественно различные среды с точки зрения базовых условий жизни и покупательной способности семей.

Существенные различия ($p < 0,001$) также зафиксированы по масштабам использования маткапитала на жилищные нужды и образование. Это доказывает, что региональный контекст определяет не только объективные возможности, но и субъективные стратегии распоряжения государственным ресурсом, формируя разную структуру спроса.

Особый интерес представляют различия в демографической сфере. Статистически значимые диспропорции обнаружены по общему коэффициенту суммарной рождаемости ($p = 0,008$) и вкладу вторых детей ($p < 0,001$). Это подтверждает, что демографические результаты программы варьируются в зависимости от типа региона. Отсутствие значимых различий по вкладу третьих детей ($p = 0,483$) образует содержательную аномалию: переход к многодетности может регулироваться неэкономическими факторами (социокультурными, ценностными), которые в меньшей степени зависят от конфигурации конверсионных факторов, влияющих на использование маткапитала.

Сравнительный анализ кластеров выявляет, что барьеры, блокирующие конверсию маткапитала в реальные возможности, носят системный и контекстуально-специфический характер, соответствующий разным моделям взаимодействия семьи и государства.

В регионах модели замещающих ресурсов (Кластер 1) ключевым ограничением выступает институциональная нерелевантность самой программы. Маткапитал вытесняется более мощными альтернативными источниками благосостояния (высокие доходы, северные льготы), что приводит к его минимальной востребованности при высокой рождаемости.

Регионы модели активного софинансирования (Кластер 2) сталкиваются с барьером относительной недостаточности суммы поддержки. Несмотря на максимальную вовлечённость, средства покрывают лишь часть затрат на жильё, что стимулирует диверсификацию использования (включая образование) без гарантированного демографического эффекта.

Наиболее глубокое ограничение характерно для регионов модели структурного дефицита (Кластер 3) – барьер низких текущих доходов. Формально наилучшие условия для ипотеки не приводят к высокой вовлечённости: критическая нехватка денежных потоков делает маткапитал и сопряжённые инструменты фактически недоступными.

Природа барьеров радикально меняется: от замещения программы институтами (Кластер 1) через неадекватность её размера рыночным условиям (Кластер 2) до неспособности активировать формально доступные инструменты (Кластер 3). Т.К. Ростовская и Е.А. Князькова фиксируют: для молодых семей в разных контекстах актуальны разные барьеры [Ростовская, Князькова, 2022]. В Кластере 3 доминирует экономический барьер (невозможность подтвердить платежеспособность), в Кластере 2 – институциональный (недостаточность суммы), в Кластере 1 – барьер релевантности (программа не соответствует жизненным стратегиям). Данные КОУЖ-2022 подтверждают: в регионах Кластера 3 доля семей, указывающих на нехватку средств, превышает 75%, тогда как в Кластере 1 преобладают причины «отсутствие необходимости» и «неудовлетворённость вариантами» [Одинцова, 2025].

Практические рекомендации

На основе проведенного анализа сформулированы практические рекомендации, направленные на преодоление специфических барьеров, выявленных в различных типах региональных контекстов реализации программы материнского капитала.

Для регионов первой модели (институциональное замещение) целесообразно не столько увеличивать объемы поддержки, сколько адаптировать её форму к локальным условиям. Ключевые меры: разрешение использования маткапитала на цели, имеющие критическое значение в экстремальных территориях (приобретение транспортных средств, развитие личного подсобного хозяйства); развитие программ государственно-частного партнёрства в жилищном строительстве; создание специальных ипотечных продуктов с субсидированием ставки для молодых семей.

Для регионов второй модели (активное софинансирование), достигших максимальной вовлечённости, но сталкивающихся с недостаточностью суммы выплаты, необходим переход к адресным инструментам. Эффективными мерами могли бы стать: введение региональных доплат к федеральному маткапиталу, привязанных к средней стоимости жилья; развитие целевых жилищных программ для многодетных семей, где маткапитал выступает первоначальным взносом по социальной ипотеке; расширение возможностей использования средств на образование (дополнительное образование, репетиторство).

Для регионов третьей модели (структурное ограничение), где ключевой барьер – низкие текущие доходы, меры должны быть направлены на снижение порога входа в программу. Перспективны: разработка совместных с банками программ микрозаймов или госгарантий для формирования недостающей части первоначального взноса; упрощение административных процедур и активная информационная работа; легализация использования части средств на текущие нужды или развитие подсобного хозяйства.

Для столичных агломераций необходим пересмотр целевых ориентиров. Вместо попыток восстановить жилищную функцию в условиях запредельных цен целесообразно усилить образовательно-сервисную компоненту: преобразование части выплаты в образовательные ваучеры, ваучеры на услуги по уходу за детьми, оплату аренды жилья.

Универсальной мерой могло бы стать внедрение гибкой модели «региональных опций», предоставляющей субъектам РФ право включать в перечень целей использования маткапитала 1–2 направления, наиболее актуальных для их территории. Предложенный набор мер направлен на трансформацию маткапитала из формального ресурса в действенный инструмент, способный преодолевать барьеры в разных региональных контекстах.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что эффективность материнского капитала носит контекстуально-обусловленный характер. Выделенные кластеры – модели институционального замещения, активного софинансирования и структурного ограничения – подтверждают, что одни и те же ресурсы трансформируются в разные возможности для семей в зависимости от соотношения доходов, стоимости жилья и доступности рыночных инструментов.

В работе выявлены системные барьеры, имеющие различную институциональную природу в каждой модели. В регионах структурного ограничения программа не преодолевает барьер абсолютной бедности. В регионах активного софинансирования барьером является недостаточность суммы поддержки относительно локальных цен на жилье. В регионах институционального замещения маткапитал вытеснен альтернативными источниками благосостояния. Эти выводы демонстрируют сложный характер влияния программы – отсутствие прямой связи между объемом её использования и демографическими результатами.

Полученные результаты доказывают необходимость перехода от унифицированной модели к дифференцированной региональной политике. Рекомендованные меры – от целевых жилищных программ и региональных доплат до упрощения процедур и расширения допустимых трат – призваны адаптировать инструментарий к конкретным контекстам.

Научная новизна работы заключается в комплексном межрегиональном анализе, основанном на эмпирически верифицированной типологии, полученной методом кластерного анализа. Интерпретация результатов через теорию возможностей позволяет перейти от констатации различий к объяснению механизмов, определяющих конверсию федеральной выплаты в разные реальные возможности.

Перспективное направление дальнейших исследований – качественный анализ микроуровневых механизмов принятия решений семьями. Глубинные интервью позволят выявить субъективные факторы, влияющие на репродуктивное поведение и стратегии использования поддержки. Особый интерес представляет изучение механизмов институционального замещения в высокодоходных регионах и причин низкой финансовой активности населения в условиях формально доступной ипотеки.

Ограничения исследования связаны с агрегированным характером вторичных данных, что не позволяет полностью учесть внутрирегиональную дифференциацию и субъективные мотивы семей. Тем не менее полученные результаты создают основу для разработки территориально-чувствительной демографической политики, учитывающей различные модели взаимодействия государства, рынка и семьи.

Список литературы

- Беккер Г.С. 1991. Тратат о семье. Издательство Гарвардского университета. 424 с.
- Бистайкина Д.А., Касаркина Е.Н., Панькова Е.Г. 2024. Государственная помощь в улучшении жилищных условий молодых семей и семей с детьми: региональный аспект. *Мир науки. Социология, филология, культурология*, 15(1): 1–15.
- Вишневский А.Г. 2006. Демографическая модернизация России, 1900–2000. М.: Новое издательство, 608 с.
- Захаров С.В. 2023. История рождаемости в России: от поколения к поколению. *Демографическое обозрение*, 10(1): 4–43.
- Кишенин П.А. 2023. Региональная дифференциация рождаемости в Российской Федерации: оптика реальных поколений. *Демографическое обозрение*, 10(4): 86–120.
- Колганова Н.Ю., Мусин Э.Р. 2025. Улучшение жилищных условий семей с детьми с привлечением материнского капитала: анализ в разрезе регионов России. *Социально-трудовые исследования*, 4: 125–137.

- Лестег Р. 2014. Второй демографический переход: краткий обзор его развития. *Труды Национальной академии наук*, 111(51): 18112–18115.
- Малкина М.Ю. 2015. Оценка факторов внутрирегиональной дифференциации доходов населения РФ. *Пространственная экономика*, 3: 97–119.
- Маллаева М.И. 2024. Оценка влияния Программы материнского капитала на демографическую ситуацию. *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки*, 4: 57–64.
- Одинцова Е.В. 2025. Прекаризованность условий проживания населения: подходы к измерению и количественные оценки. *Уровень жизни населения регионов России*, 21(2): 184–196.
- Ростовская Т.К., Князькова Е.А. 2022. Государственная политика в отношении молодой семьи: экспертный обзор. *Женщина в российском обществе*, 1: 22–31.
- Саламахина Е.А. 2023. Материнский капитал как инструмент государственной семейной политики. Первый шаг в науку: Материалы студенческой научной конференции, 101–104.
- Сен А. 1999. Развитие как свобода. Нью-Йорк: Альфред А. Кнопф. 366 с.
- Слонимчик Ф., Юрко А.В. 2015. Оценка влияния политики материнского капитала в России. *Демографическое обозрение*, 2(3): 30–68.
- Robeyns I. 2005. The Capability Approach: a theoretical survey. *Journal of Human Development*, 6(1): 93–117.

References

- Becker G.S. 1991. *Traktat o sem'e* [A treatise on the family]. Harvard University Press. 424 pages .
- Bistyakina D.A., Kasarkina E.N., Pankova E.G. 2024. Gosudarstvennaya pomoshch' v uluchshenii zhilishchnykh uslovij molodykh semej i semej s det'mi: regional'nyj aspekt [State assistance in improving the housing conditions of young families and families with children: a regional aspect]. *The world of science. Sociology, philology, and cultural studies*, 15(1): 1–15.
- Vishnevsky A.G. 2006. Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 [Demographic modernization of Russia, 1900–2000]. Moscow: New Publishing House. 608 pages .
- Zakharov S.V. 2023. Istoriya rozhdaemosti v Rossii: ot pokoleniya k pokoleniyu [The history of fertility in Russia: from generation to generation]. *Demographic review*, 10(1): 4–43.
- Kishenin P.A. 2023. Regional'naya differentsiatsiya rozhdaemosti v Rossijskoj Federatsii: optika real'nykh pokolenij [Regional differentiation of fertility in the Russian Federation: optics of real generations]. *Demographic review*, 10(4): 86–120.
- Kolganova N.Yu., Musin E.R. 2025. Uluchshenie zhilishchnykh uslovij semej s det'mi s privlecheniem materinskogo kapitala: analiz v razreze regionov Rossii [Improving the housing conditions of families with children with the involvement of maternity capital: an analysis by regions of Russia]. *Social and labor research*, 4: 125–137.
- Lesteg R. 2014. Vtoroj demograficheskij perekhod: kratkij obzor ego razvitiya [The second demographic transition: a brief overview of its development]. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 111(51): 18112–18115.
- Malkina M.Y. 2015. Otsenka faktorov vnutriregerional'noj differentsiatsii dokhodov naseleniya RF [Assessment of the factors of intraregional income differentiation of the population of the Russian Federation]. *Spatial economics*, 3: 97–119.
- Mallaeva M.I. 2024. Otsenka vliyaniya Programmy materinskogo kapitala na demograficheskuyu situatsiyu [Assessment of the impact of the Maternity Capital Program on the demographic situation]. *Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences*, 4: 57–64.
- Odintsovo E.V. 2025. Prekarizovannost' uslovij prozhivaniya naseleniya: podkhody k izmereniyu i kolichestvennye otsenki [Precarization of living conditions of the population: approaches to measurement and quantitative assessments]. *The standard of living of the population of the Russian regions*, 21(2): 184–196.
- Rostovskaya T.K., Knyazkova E.A. 2022. Gosudarstvennaya politika v otnoshenii molodoj sem'i: ekspertnyj obzor [State policy towards the young family: an expert review]. *A woman in Russian society*, 1: 22–31.
- Salamakhina E.A. 2023. Materinskij kapital kak instrument gosudarstvennoj semejnoy politiki [Maternity capital as an instrument of state family policy]. The first step into science: Materials of the student scientific conference, 101–104.
- Sen A. 1999. *Razvitie kak svoboda* [Development as freedom]. New York: Alfred A. Knopf. 366 p.

- Slonimchik F., Yurko A.V. 2015. Otsenka vliyaniya politiki materinskogo kapitala v Rossii [Assessment of the impact of maternity capital policy in Russia]. *Demographic review*, 2(3): 30–68.
- Robeyns I. 2005. The Capability Approach: a theoretical survey. *Journal of Human Development*, 6(1): 93–117.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 27.02.2026

Поступила после рецензирования 26.05.2026

Принята к публикации 26.05.2026

Received February 27, 2026

Revised May 26, 2026

Accepted May 26, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Макарова Софья Андреевна, студент,
Липецкий государственный технический
университет, г. Липецк, Россия.

Большунова Татьяна Валерьевна,
кандидат социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой социологии,
Липецкий государственный технический
университет, г. Липецк, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sofya A. Makarova, Student, Lipetsk State
Technical University, Lipetsk, Russia.

Tatiana V. Bolshunova, Candidate of Sociological
Sciences, Associate Professor, Head of the
Department of Sociology, Lipetsk State Technical
University, Lipetsk, Russia.